

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Эрих Керн

ПЛЯСКА СМЕРТИ

**ВОСПОМИНАНИЯ
УНТЕРШТУРМФЮРERA СС**

1941–1945

За линией фронта. Мемуары

Эрих Керн

**Пляска смерти. Воспоминания
унтерштурмфюрера СС. 1941-1945**

«Центрполиграф»

Керн Э.

Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941-1945
/ Э. Керн — «Центрполиграф», — (За линией фронта.
Мемуары)

ISBN 978-5-9524-3841-5

Эта книга – взгляд «с той стороны» на Великую Отечественную. Эрих Керн вошел на территорию СССР вместе с дивизией «Лейбштандарт Адольф Гитлер» уже на третий день гитлеровского нашествия и принимал активное участие в боевых действиях на протяжении всей войны, вплоть до своего пленения союзниками. Керн по-своему объясняет причины военного и политического поражения Германии, много говорит об угрозе большевизма, но основным лейтмотивом его мемуаров является окопная правда, наглядная картина того, как воевали немецкие части.

ISBN 978-5-9524-3841-5

© Керн Э.
© Центрполиграф

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эрих Керн

Пляска смерти

Воспоминания унтерштурмфюрера СС 1941 – 1945

Пролог

Спокойный, тихий полдень. Лежа на узкой крестьянской кровати, я обзираю великолепие лимонного дерева за окном. Издалека, едва слышная, доносится песня марширующей роты. Канули в прошлое славные дни, связанные с перевалом Клиди, Касторией, с форсированием Коринфского залива и с торжественным парадом победы в Афинах. Вихрем проследовали мы по знаменитым историческим местам – Коринф, Дельфы, Фивы, горный проход Фермопилы.

Повсюду восторженные, ликующие толпы. Явственно ощущалось огромное облегчение, которое испытывали мужчины, женщины и даже дети оттого, что к ним пришли мы, а не итальянцы. С подобными проявлениями радости мы сталкивались и ранее в Венгрии, Румынии и Болгарии. Наши танки проследовали по ковру из болгарских роз, мы пили вино с македонскими крестьянами, делили с ними хлеб-соль.

Балканская кампания закончилась, мы снова оказались и быстрее и сильнее. Однако гордое сознание содеянного все-таки омрачала легкая тень досады. Итальянцы, следовавшие за нами на расстоянии нескольких дневных переходов, в своих армейских сводках хвастливо перечисляли захваченные ими города и деревни, которые мы передавали им.

Мне не забыть глаз старой женщины из Месолонгиона, с ужасом взиравшей на развевающийся султан берсальера (во время Второй мировой войны берсальерами назывались мотоциклетные и самокатные (на велосипедах) части, входившие в состав танковых и механизированных дивизий; всего у Италии было тогда 8 полков берсальеров. – *Ред.*). «Так вот как оно вышло, – проговорила она упавшим голосом. – Нехорошо вы, немцы, поступили».

Внезапно мои воспоминания прервались. Потолок надо мной раскачивался. Одним прыжком я выскочил в окно, застряв в раскидистых ветвях лимонного дерева. Землетрясение было недолгим. Вздвогнув еще несколько раз, земля успокоилась. В этот момент к моему дереву примчалась крестьянская семья, крестясь и что-то крича в сильнейшем возбуждении. Не понимая ни слова, я, крайне удивленный, спустился со своего импровизированного насеста и побежал на командный пункт роты. Там я увидел наших горных стрелков, столпившихся вокруг старшего унтер-офицера и взволнованно что-то говоривших. Я не сразу понял, что речь шла вовсе не о землетрясении. Солдаты слушали вражескую радиопередачу и хотели знать: правда ли, что Рудольф Гесс, заместитель фюрера по партии, приземлился с парашютом на территории Великобритании.

Это была, разумеется, сущая бессмыслица, и мы вволю посмеялись над горными стрелками – легковерными крестьянскими парнями из австрийской Штирии и из баварских Альп. Тем не менее они вернулись в свои казармы в большом смятении.

Вечером, однако, все подтвердилось. Рудольф Гесс действительно приземлился с парашютом на вражеской территории, не имея на то разрешения фюрера. Мы были потрясены, почувствовав легкое дуновение непонятного ужаса. Все говорили, перебивая и не слушая друг друга; потом наступило тревожное молчание.

На следующее утро меня вызвал к себе командир, чтобы дать мне чрезвычайно секретное задание. Помедлив какой-то момент, он в конце концов, откашлявшись, сказал:

– Вы должны собрать как можно больше информации о Советской России и о той части Польши, которую она оккупировала в 1939 году (в сентябре 1939 г. СССР всего лишь вернул земли Западной Украины и Западной Белоруссии, оккупированные поляками в 1919–1920 гг. и закрепленные за Польшей, по итогам неудачной для Советской России войны мирным договором в Риге, подписанным 18 марта 1921 г. – *Ред.*).

В совершенном недоумении я смотрел на командира, а он, повысив голос, добавил:

– Мы начинаем кампанию на Востоке. Собираемся покончить с этой постоянной угрозой, покончить раз и навсегда.

Моей первой реакцией было чувство страха. Мне вспомнились слова Гитлера из его книги «Майн кампф» относительно войны на два фронта; затем официальное заявление в связи с пактом (от 23 августа 1939 г. – о ненападении. – *Ред.*), заключенным с Россией, тем самым пактом, который вызвал настоящий шок, особенно среди национал-социалистов, хотя фактически лишь отражал реально сложившуюся ситуацию.

Теперь все это предстояло выбросить за борт. Правда, угроза действительно существовала, величайшая угроза не только для Германии, но и для всего мира. Но стоило ли начинать что-то серьезное на Востоке именно теперь, не закончив дела на другой стороне? Разве было нам так уж необходимо снова вести войну на два фронта?

Большинство моих друзей в свое время пришли в ужас, узнав о советско-германском пакте, а я вздохнул с облегчением. Это был поступок, достойный самого «железного канцлера» (то есть Бисмарка. – *Ред.*). Именно так он и поступил бы, схватил бы быка прямо за рога, разорвав кольцо окружения. Если уж нет другого пути, если война неизбежна, то лучше повременить с ней по крайней мере до тех пор, пока мы справимся с опасностью за нашей спиной.

И вот внезапно все эти соображения отметались прочь. В моем мозгу пронеслось: «Но это абсурд, он меня разыгрывает. На самом деле это неправда, это не может быть правдой».

Но все это оказалось правдой. Суровой правдой.

Солдаты отнеслись к подобной перспективе равнодушно. Для них в этом не было ничего нового, они уже привыкли маршировать, если нужно, сражаться и умирать, но всегда побеждать. Они не часто над чем-то задумывались или размышляли.

В Вене я случайно повстречал давнего приятеля, близко связанного со службой информации министерства иностранных дел.

– Он отказался выслушать его! – воскликнул мой знакомый в сильнейшем возбуждении. – Даже не захотел встретиться с ним!

– Кто кого не захотел выслушать? – поинтересовался я.

– Наш фюрер! Отказался принять графа фон Шуленбурга, германского посла в Москве, ты ведь знаешь. Старина прилетел оттуда с кучей документов – сведениями о Красной армии. По разговорам, Молотов лично позаботился снабдить ими Шуленбурга, вероятно надеясь таким образом воспрепятствовать принятию рокового решения. У Шуленбурга были при себе и собственные разведывательные данные. Однако Риббентроп остановил его еще в коридоре гостиницы «Империял» и сказал, что решение фюрера окончательное и бесповоротное и что он не желает видеть графа. Бедняга Шуленбург был буквально вне себя. Он, дескать, не совершает ничего предосудительного, и у него с собой информация чрезвычайной важности... Риббентроп даже не дал ему договорить. Мол, все бесполезно, фюрер уже принял решение.

Какое-то время я молчал, не зная, что сказать, затем, рассердившись, заметил:

– Все это – чистейшая ерунда. У вас, кабинетных журналистов, порой чересчур разыгрывается фантазия. Вам не повредило бы почаще бывать в гуще народа, тогда вы быстро избавились бы от этой вредной привычки.

– Я так и сделаю при первой же возможности, – кивнул приятель. – И мне чертовски хотелось бы, чтобы вы оказались правы и все разговоры на этот счет были просто досужими вымыслами. Но, к сожалению, это... почти официальная версия.

Попрощавшись с матерью, я использовал оставшееся время короткой командировки, чтобы нанести визит своему гаулейтеру Йозефу Бюркелю.

Он пребывал в великолепном настроении и не испытывал ни малейших сомнений.

– Пришлите мне открытку из Москвы, – проговорил он весело при расставании. – Там, на Востоке, вам не понадобится много времени, а потом – Англия!

Моя дивизия лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» стояла в Брно, когда пришло известие о начале военных действий против России. И среди личного состава возникло сильное беспокойство.

«А как же мы? – волновались солдаты и офицеры. – Неужели этот спектакль пройдет без нас? Разве фюрер не обещал нам, что мы будем участвовать в реализации всех его замыслов? И вот теперь мы в нескольких сотнях километров от места событий, в то время как другие уже готовятся маршировать по Москве».

В этот вечер мы устроили грандиозную попойку, и после нескольких рюмок меня тоже захлестнула мощная волна всеобщей непоколебимой уверенности в быстрой и легкой победе. Веселясь, мы упивались газетными статьями, в которых авторы – русские белоэмигранты – предсказывали скорый и бесповоротный развал Советского Союза (многие, если не большинство, русские эмигранты предсказывали гибель германской армии. – *Ред.*). Затаив дыхание, мы с жадностью внимали первым военным сводкам вермахта, передавая их из рук в руки.

Наконец-то, на третий день войны, наша колонна начала двигаться – слишком медленно, как нам казалось, – на восток. В Силезии нас повсюду встречало восторженное население. Люди были буквально вне себя от радости. Старики, ветераны Первой мировой войны, проводили многие часы в местах нашего отдыха, делясь своим опытом борьбы с казаками и русской пехотой. Женщины снабжали нас домашней снедью и сигаретами в таком изобилии, что было совершенно невозможно употребить все на месте или взять с собой. Повсюду нас сопровождали веселыми возгласами стайки детей, незнакомые девушки обнимали и целовали нас.

Но уже скоро мы почувствовали запах пожарищ. Воздух сотрясала далекая артиллерийская канонада. Быстрее запульсировала кровь в жилах, хотя мы как будто уже и привыкли к войне. Ожидание предстоящей схватки всегда заставляет сердца тревожно сжиматься. Мы отослали домой первые открытки.

И вот поднялся занавес и началась великая трагедия, державшая всех нас в напряжении долгие годы.

Часть первая Дорога на Восток

Глава 1 Северное шоссе

Наша дивизия находилась на марше с раннего утра. Уже многие часы грузовики громы-хали мимо дымящихся развалин домов. Попадались и валявшиеся на обочине трупы людей. Солдаты рассматривали их пристально, с растущим волнением. То были останки бойцов сибирских и монгольских полков (видимо, увидев погибших бойцов Красной армии с монголоидными чертами (казахов, киргизов и т. д.), автор решил, что это «монгольские полки», – таких на советско-германском фронте не было, хотя Монголия в знак солидарности с СССР и согласно договору о взаимной помощи от 12 марта 1936 г. объявила войну Германии уже 22 июня 1941 г. Не было в начале войны и особых «сибирских полков». – *Ред.*), покинувших свои семейные очаги на востоке, чтобы защищать границы своего государства на западе.

Откуда-то спереди доносился зловещий гул близкого сражения. Танковые клинья Клейста уже проникли в глубь вражеской территории. Продвигаясь по Северному шоссе, они почти вплотную подошли к Киеву (11 июля, пройдя за двое суток ПО километров, передовые части 1-й танковой группы вышли к реке Ирпень – в 15–20 километрах западнее Киева. – *Ред.*). Оправившись от внезапного удара, противник практически окружил танковую группу Клейста, застывшую на месте, подобно могучей скале среди бушующих волн, без горючего и боеприпасов, которые не успели подвезти.

Перед нашей дивизией была поставлена задача: очистить Северное шоссе от вражеских войск и обеспечить доставку горючего танковому авангарду. Пока мы не видели ни одного самолета противника, но уже услышали первые залпы советской артиллерии, несколько снарядов разорвалось в роще, рядом с нашей колонной.

Командир батальона вызвал к себе адъютанта и приказал ему, взяв двух человек в помощь, разведать подходы к Северному шоссе. Молодой лейтенант указал на своего водителя и на меня.

Мы поехали по холмистой местности, мимо полей поспевавшей пшеницы, брошенных хат с омытыми дождями коричневыми и голубыми стенами и соломенными крышами. Время от времени лейтенант сверялся с картой. Внезапно он повернулся ко мне и проговорил как-то неестественно натянуто:

– А ведь карта врет.

Взглянув на офицера, я с удивлением увидел крупные капли пота, выступившие у него на лбу. Мы давно уже потеряли всякую связь с нашим батальоном, углубившись на добрых шесть километров на территорию противника. Вокруг царили мир и покой, атмосфера тихого счастливого воскресенья. Перестал даже доноситься шум далекого танкового сражения. Мы въехали на вершину высокого холма, откуда открывался великолепный вид на обширное пространство, простиравшееся на много километров. Почти у самого горизонта широкая серая полоска – Северное шоссе! Над ним висели густые облака пыли.

– Иваны подтягивают подкрепления, – констатировал лейтенант, наконец справившись с первоначальным волнением и страхом, и приказал водителю повернуть назад.

Между тем и наш батальон постепенно продвигался вперед, и мы встретили его на полпути. Офицер доложил о результатах разведки, и наша машина возглавила колонну. Когда мы

вновь достигли вершины холма, пыль вдали уже улеглась и наступили вечерние сумерки. Не останавливаясь, мы продолжали движение; никаких признаков противника.

Личный состав пребывал в приподнятом настроении и от души веселился. Сидевший рядом со мной сержант радостно заявил:

– Через шесть недель мы будем в Москве, лишь бы Иваны бежали достаточно быстро.

С высоты своего грузовика я любовался мирным ландшафтом, всеми силами стараясь побороть непонятное беспокойство. Я не узнавал самого себя. Не новичок на войне, я к тому же прекрасно знал ее цель. Нам предстояло отвести угрозу с востока, ликвидировать ее раз и навсегда. И тем не менее перед лицом этих бескрайних просторов меня охватило чувство глубокой подавленности и страха, того самого страха, какой испытывает человек, предчувствующий расставленную ему ловушку. Все это было, разумеется, смешно и глупо и противоречило реальным фактам. Наши армии повсюду победоносно наступали; германские танковые группы неудержимо катились вперед, громя и преследуя беспорядочно отступающие войска противника (негладко было уже в первые недели войны. На южном участке советско-германского фронта было прежде всего танковое сражение в районе Броды – Дубно. Только несогласованность контрударов советских механизированных корпусов и господство в воздухе германской авиации позволили 1-й танковой группе отбиться. – *Ред.*).

Постепенно воздух сделался прозрачнее, дневная дымка исчезла, и окрестности хорошо просматривались. Вечер опускался на широкую равнину, ночные тени уже ложились на болота и рощи, мимо которых мы следовали.

Но вот раздались радостные возгласы: мы достигли шоссе. По обе стороны протирался густой лес. Замерли разговоры, и умолкли песни. Кругом тишина, ни единого выстрела, мы продолжали движение. Наша автомашина шла теперь в общей колонне второй. Командир батальона жестом подозвал нас к себе, и я слышал, как он приказал лейтенанту выяснить обстановку на ближайшем перекрестке. «Возьмите мотоцикл, он более маневренный», – посоветовал командир.

Лейтенант кивком пригласил меня следовать за ним, и мы умчались на мотоцикле в ночную темноту, опережая батальон. Я вновь обрел прежнюю уверенность в себе. Мы проехали один километр... два... три. Сзади успокаивающе слышался шум шедшего за нами полным ходом батальона. Вдруг лейтенант приказал остановиться. Перед нами лежала развилка, а справа, наполовину в канаве, – броневик... русский.

– Наши танки ловко расправились с ним... Иваны бросили его и сбежали, – проговорил, улыбаясь, лейтенант, не спеша закуривая сигарету и указывая на распахнутую дверцу, затем, проведя рукой по заклепкам, добавил: – Дрянная работа...

Тем временем я тоже подошел к броневику и заглянул через открытую дверцу внутрь.

– И все-таки ощущение не из приятных, – заметил я, отступая.

Лейтенант рассмеялся и захотел основательно проинспектировать внутренность вражеской боевой машины. А я тем временем отошел в сторону, желая установить, догоняет ли нас батальон во главе с командиром. В этот момент раздался выстрел. Лейтенант повернулся, на лице застыло выражение крайнего изумления, и тут же упал. Через секунду броневик пришел в движение и выехал на дорогу. В мгновение ока, повинувшись инстинкту самосохранения, я и водитель мотоцикла скатились в кювет, длинная пулеметная очередь прошла воздух над нашими головами. Прежде чем мы успели что-либо сообразить, вражеская машина исчезла во мраке ночи.

– Вы в порядке? – потряс водитель лейтенанта за плечо. Никакого ответа. Я попробовал приподнять его голову, но моя ладонь ощутила что-то влажное. Несмотря на опасность, я рискнул коротко включить карманный фонарик, секунды хватило, чтобы разглядеть аккуратную дырочку посредине лба юного лейтенанта.

– Готов! – прошептал водитель и грязно выругался.

Мы поспешили назад, но неожиданно в той стороне, где, по нашим предположениям, должен был находиться батальон, поднялась неистовая беспорядочная стрельба. Совершенно сбитые с толку, мы в недоумении смотрели друг на друга.

– Самое лучшее для нас – оставаться на месте, – заметил водитель.

Стрельба оборвалась так же внезапно, как и началась. С большим облегчением мы услышали шум приближавшегося батальона. Через несколько минут автомашина командира затормозила рядом со мной. Когда я, все еще не пришедший в себя от потрясения, доложил ему о случившемся, он начал кричать на меня во весь голос; какие слова он при этом произносил, мне неизвестно и по сей день.

Вскоре батальон вновь тронулся в путь. К тому времени сделалось настолько темно, что с трудом можно было различить что-либо дальше одного метра. Вдруг тихую ночь прорезали оглушительные выстрелы, и сразу поднялась невообразимая суматоха, раздавались громкие отрывистые команды. Мимо меня промчался молодой офицер, крича:

– Быстрее, не останавливаться! Всем машинам свернуть на боковую дорогу и образовать каре!

Вскоре тяжелые грузовики тесной колонной свернули в сторону, прочь от опасного перекрестка. Заговорили пулеметы противника, раздались стоны и крики первых раненых. Шедшие впереди колонны самоходные 37-миллиметровые зенитные орудия развернулись в цепь и открыли ответный огонь. Промежутки между ними заняли пулеметные расчеты, создав непрерывную линию обороны. Прячась за тяжелыми грузовиками, солдаты пытались обнаружить врага. Весь хаос звуков перекрывали характерные выстрелы танковых орудий. Стреляли легкие танки русских. (Несмотря на внушительную численность танковых сил в пяти западных военных округах, 12 378 на 22 июня, основную массу советских танков составляли легкие танки Т-26 и БТ, а также танкетки Т-37 и Т-38. Имелось 508 тяжелых танков КВ и 967 Т-34, некоторое количество устаревших средних и тяжелых (со слабой броней) танков Т-28 и Т-35.) Ярким пламенем вспыхнул один из грузовиков, доверху набитый боеприпасами, но чудесным образом огонь удалось быстро загасить. Обстрел со стороны противника все сливался, отовсюду гремело и грохотало. Постепенно мы поняли, что окружены.

Вместе с несколькими незнакомыми мне солдатами я, лежа в придорожной канаве, не переставая палил в темноту, освещая ее нитями трассирующих пуль. Кто-то тронул меня за плечо. Это был Кауль.

– Нам конец, – проговорил он хрипло.

– Нужно сначала разделаться с этими ублюдками и подождать до утра, – попытался я отшутиться.

Кауль смотрел мне прямо в лицо, белки широко раскрытых глаз отражали вспыхивающие отблески разрывов.

– Тебе страшно? – спросил я упавшим голосом.

– Если бы тебе пришлось пережить столько же, сколько мне... – улыбнулся горько Кауль, – ты бы ничего больше не боялся... Конечно, мне хотелось бы остаться в живых... знаешь, моя жена... у нас с ней не все ладится в последнее время... но ведь еще есть дети...

– Не говори ерунды, – прервал я его. – Тебя не так-то легко отправить на тот свет.

– Легче, чем ты думаешь, – усмехнулся Кауль.

– Мне нужно отлить, – сказал я, поднимаясь.

– Не делай глупости, не будь идиотом, – попытался остановить меня Кауль.

Пригибаясь, я отошел немного в пшеничное поле, колосья скрывали меня до плеч. Не успел я справиться с нуждой, как в нескольких метрах от меня из темноты появилась человеческая фигура.

– Осторожней! – крикнул я. – Здесь кругом летает много всякой всячины...

Вдруг я заметил, как фигура подняла над головой ручную гранату. С криком «Иван!» я бросился плашмя на землю. В этот момент прозвучала очередь из автомата Кауля, не издав ни звука, русский упал, а я через мгновение уже опять укрылся в придорожной канаве. Кауль смотрел на меня без всякого выражения. Я не знал, что ему сказать, не находил слов.

– Знаешь, я поступил на военную службу в 1939 году, – пояснил он спокойно. – Руководил, понимаешь, подразделением СС в маленьком городишке. Другого занятия там не было. Но это меня несколько не изменило, я оставался прежним слабаком и слюнтяем. Тогда я решил закалять свой характер и поступил в элитную часть СС «Мертвая голова».

– Ну и что? – проговорил я, все еще не оправившись от потрясения.

– Именно это и я сказал себе тогда. Несмотря на некоторое разочарование, я не переставал надеяться принять участие в настоящем деле. Но мне пришлось еще целый год служить охранником концентрационного лагеря. Ты знаешь, многое из того, что рассказывают, – далеко от правды или, по крайней мере, сильно раздуто. Но и то, что было на самом деле, уже достаточно скверно... Множество людей годами теснятся на крошечном пространстве. Со временем у меня сложились довольно дружеские отношения с одним из них – польским профессором. И вот в один прекрасный день он вместе со всеми, как обычно, работал, но затем неожиданно направился к лагерной ограде. «Стреляйте! – попросил он меня спокойно. – Ну давайте же, стреляйте. У меня нет сил больше терпеть». – «Остановитесь! – закричал я в ужасе, поднимая винтовку и прицеливаясь – на этот счет у нас существовал строгий приказ, – но он уже был слишком далеко, не видел и не слышал меня: мысленно уже переселился в мир иной. – Стойте, ради всего святого... стойте! Вы знаете приказ!» – вновь крикнул я. – Кауль немного помолчал. – Он пересек границу запретной зоны, закрыв глаза. Я не мог выстрелить, был не в силах... Охранник по другую сторону ограды нажал на спусковой крючок...

Я писал Гиммлеру, всем, кто мог оказать хоть какую-то протекцию. Во что бы то ни стало стремился попасть на фронт... Не хотел быть тюремщиком. В конце концов я добился своего. После всего того, что было, здесь для меня, – Кауль указал глазами на ночную темь, испещренную точками трассирующих пуль и зарницами разрывов, – сущий рай.

– У тебя просто немного сдали нервы, – заметил я с тревогой. – Сам не знаешь, что говоришь!

Кауль горько усмехнулся.

Тем временем русские продолжали сжимать кольцо окружения, обстрел сделался интенсивнее. Какой-то офицер, указав на меня, Кауля и еще одного солдата, скомандовал:

– Давайте быстро снаряды для 105-миллиметровых орудий!

Ящик за ящиком таскали мы боеприпасы к орудиям занявших позицию в глубоком рву справа от нас. Рядом, у края дороги, – крупнокалиберный пулемет. Всякий раз, когда он начинал строчить, огонь пехоты противника прекращался. Я обменялся несколькими словами с фельдфебелем, корректировавшим огонь 105-миллиметровых пушек и похвалившим нас за быстроту при доставке боеприпасов. После, пожалуй, десятой ходки я присел на корточках у его ног и зажег сигарету. Внезапно у него подогнулись колени и он повалился на землю.

– Прямо в голову, – прошептал Кауль, переворачивая фельдфебеля на спину. – Парню повезло: легкая смерть.

Его заменил один из ближайших унтер-офицеров. Когда мы вернулись с очередным грузом снарядов, он, к моему ужасу, тоже уже лежал бездыханным рядом с фельдфебелем.

– Понимаешь, именно так я всегда представлял себе в своих мечтах СС, – сказал меланхолично Кауль. – Я не думал ни о концентрационных лагерях, ни о гестапо, ни о полиции безопасности, а о храбрых солдатах, которые сражаются и умирают, выполняя приказ. – Помолчав, он с грустью добавил: – Ни тебе заборов из колючей проволоки, крематориев, ни «душегубок» (автомобили с наглухо закрытым кузовом, куда отводились выхлопные газы, быстро умерщвлявшие помещенных в кузов людей. «Душегубка» изобретена в 1936 г. начальником

административно-хозяйственного отдела Управления НКВД по Москве и Московской области И.Д. Бергом (расстрелян в 1939 г.). – *Ред.*).

В полном замешательстве, я не нашелся что ему ответить. Через секунду наше каре накрыла несколькими залпами вражеская батарея, но наши самоходки быстро заставили ее замолчать. Под утро поползли слухи, будто все подразделения нашей дивизии окружены и радиосвязь с ними прекратилась. Вскоре по цепи передали следующее распоряжение командира: «С рассветом ожидается атака противника. Согласно приказу батальон должен удерживать важный перекресток дорог. Об отступлении или капитуляции не может быть и речи. Все вы видели вчера обезображенные тела ваших товарищей и знаете, что вас ожидает».

К утру обстрел со стороны противника внезапно прекратился. Все солдаты укрылись, как могли: одни – в наспех вырытых окопчиках, другие – за автомашинами. Рядом с собой я положил несколько магазинов, чтобы иметь их под рукой. «Часа на два боя их, пожалуй, хватит, – подумал я, – а потом...» Не было смысла беспокоиться о том, что наступит потом.

В течение получаса не последовало ни одного выстрела – абсолютная тишина. Наши нервы были напряжены до предела. Скорее бы что-нибудь началось, скорее бы они атаковали. Но ничего не происходило. Прошел еще час в томительном ожидании, и наступило утро.

– Достаточно света для прицельной стрельбы, – заметил Кауль, обстоятельно раскуривая свою трубку.

Прищурившись, чтобы лучше видеть, я пристально всматривался в даль, в широкую полосу шоссе. Боже! Не может быть... Вне себя, я помчался к укрытию нашего командира.

– На подходе с запада немецкие мотоциклисты! – доложил я, с трудом переводя дыхание.

Взглянув на меня, командир поднял бинокль.

– За мной! – рявкнул он, и мы, вскочив на мотоцикл, понеслись вдоль цепи ошеломленных солдат.

Толстый и невозмутимый майор вермахта неуклюже вылез из мотоциклетной коляски; лицо его расплылось в широкой улыбке.

– Просто умора, – проговорил он. – В последней деревне нас уверяли, что слышали, как здесь всю ночь стреляли... Однако я вижу, что у вас все спокойно!

– Очень спокойно, – ответил наш полковник, откашлявшись, странным глухим голосом. – У меня всего лишь сорок человек убитых. Но, – продолжал он, – противник, судя по всему, отступил.

Вскоре мы вновь расселись по автомашинам и покатали далее на восток.

Постепенно небо заволокли тучи и пошел мелкий дождик. После бессонной ночи измученные и мокрые солдаты сидели в грузовиках, нахохлившись и дрожа от сырости. С неба донесся шум авиационного мотора. Неужели вражеский самолет? Сверху полетели авиабомбы, рвавшие справа от дороги. Но это были немецкие бомбы – в эту погоду летчики люфтваффе приняли нас за отступавших русских. Солдаты вскочили со своих мест, неистово размахивая руками. Просвистело еще несколько бомб, однако никто не спешил укрыться. Наоборот, все кричали, ругались, жестикулировали. В конце концов до летчика дошло, кого он бомбил, и он, вероятно устыдившись, резко взмыл вверх и исчез. Этот эпизод закончился без людских потерь, тем не менее данное происшествие не позволило нам проникнуться уважением к германским военно-воздушным силам.

В полдень мы обнаружили, что узкая сельская дорога, по которой мы следовали, выводила нас прямехонько к цели – Северному шоссе. Теперь мы уже двигались вслед за бронемашинами передового батальона дивизии – верный признак назревающих событий. Между тем мы все ехали и ехали. Временами мы слышали выстрелы одиночных снайперов, но никто и не помышлял останавливаться: время было слишком дорого. Всем была уже известна наша главная задача. Танки 1-й танковой группы фон Клейста остановились в нескольких километрах от Киева, не имея горючего и располагая лишь скудными остатками продовольствия и боепри-

пасов. Русские уже замыкали кольцо, и наши бронированные машины оказались в западне. Добраться до них транспорту с горючим и другими необходимыми материалами было невозможно: противник удерживал в своих руках главную магистраль. Нам предстояло разблокировать ее и позволить танковым частям вермахта вновь обрести дыхание. А потому мы неудержимо стремились вперед. В четыре часа утра мы пересекли старую советскую границу (до 17 сентября 1939 г. – *Ред.*). Позже этим же утром мы подверглись первым вражеским воздушным налетам – каждый раз тридцати – сорока самолетов. Наши потери – двое убитых и несколько раненых. Ближе к закату у деревни Романовки мы вступили в ожесточенную схватку с упорно сопротивлявшимся противником и в конце концов вынудили его отступить. Лично я в этом бою не участвовал.

В тот же вечер мы остановились в крупном колхозе. Значительную часть принадлежавшего колхозу скота перестреляли отступавшие советские войска. И здесь я впервые имел возможность поговорить с человеком немецкой национальности, проживавшим за пределами германского рейха.

– Есть ли кто-нибудь из вас из Пфальца? – спросила молодая женщина, угощавшая нас молоком и медом.

К сожалению, среди нас не оказалось никого из тех мест. По словам женщины, ее предки переехали сюда из Рейнланд-Пфальца.

Мы поинтересовались у женщины условиями ее жизни.

– Условия жизни? – переспросила она устало. – До 1928 года мы вполне сводили концы с концами... А потом? Моего отца расстреляли: он был против колхозов... Быть может, ему больше следовало думать о семье. Но он постоянно повторял: мы заплатили за наш участок земли деньгами и собственным потом, и никто не имеет права отнимать его у нас. Его расстреляли, как саботажника и контрреволюционера. Обоих моих братьев осудили на десять лет, и мы с тех пор ничего о них не знаем... Правда, Георг, младшенький, написал однажды из Иркутска, но с тех пор – ни весточки. Мама с горя лишилась рассудка и повесилась. Моего мужа Ганса месяц назад мобилизовали на рытье окопов. Хотелось бы знать, увижу ли я его когда-нибудь снова... Что-то не верится... И вот я осталась одна с тремя детьми.

Трое маленьких ребятишек, две девочки и мальчик, робко держались за юбку матери. Мы в крайнем недоумении переглядывались. Нас сильнее всего поразило тот факт, что женщина говорила о своих бедах как о чем-то обыденном, само собой разумеющимся, будто рассказывала обычные деревенские новости.

Потом заговорил старик украинец. Во время Первой мировой войны он попал в австрийский плен и немного говорил по-немецки.

– Вы не должны думать, что страдали только фольксдойче, – сказал он на ломаном немецком языке. – Я был осужден на пять лет тюремного заключения за то, что дважды опоздал на работу. У меня не было часов, и жил я далеко от колхоза. А моего брата расстреляли.

Тон его был таким же обыденным, почти безучастным.

– Но вы говорите об этом так, словно обсуждаете погоду или виды на урожай, – не удержался я. – Вы говорите об ужасных вещах, будто...

– А вы знаете, что это такое – жить постоянно рядом со смертью? – горько улыбнулся старик. – Ничто не бывает таким страшным, как кажется на первый взгляд.

Мы ничего не ответили. Беседа на этом закончилась. А следующим утром опять в дорогу, через обширные леса, плодородные поля, протяженные болота, все глубже и глубже в эти бескрайние просторы чужой страны. Разрушенные мосты заставляли нас искать объезды, но мы строго держались взятого курса. Наконец 11 июля мы достигли цели – широкой благоустроенной дороги. Передовые роты развернулись в боевые порядки вдоль нее, заняв позиции среди кустов и небольших возвышенностей. Впереди рассредоточились штурмовые орудия.

Около девяти часов на дорогу вышел немецкий унтер-офицер, без пилотки и ремня, но с «парабеллумом» в руке. Стерев кровь с лица, он сообщил следующее. Мотоциклетный батальон вермахта уже в течение трех дней находится в окружении в деревне Соколово, в двух километрах к северу от главной дороги. Унтер-офицера послали оттуда, чтобы он вызвал подмогу, и он всю ночь полз через места расположения советских войск. Под конец его все же заметили и обстреляли, но ему чудом удалось уцелеть и пробиться к своим.

Через несколько минут штурмовые орудия с десантом на броне уже катили в сторону Соколова.

Вскоре открыло огонь противотанковое орудие противника. Первым же выстрелом была подожжена головная самоходка, вспыхнувшая ярким пламенем. Второму штурмовому орудию повезло больше, и оно успело уничтожить противотанковую пушку. На въезде в деревню мы попали под интенсивный вражеский огонь. Пехота, спрыгнув с брони, тотчас же заняла позицию в придорожной канаве. Прижимаясь к земле, я смотрел в том направлении, откуда велась стрельба. Штурмовые орудия беспорядочно палили куда попало. Внезапно я увидел голову в чердачном окне дома напротив и встретился взглядом с русским солдатом, устанавливающим пулемет для стрельбы по цепи немецких солдат, лежавших в неглубокой выемке в тридцати метрах позади меня. Я поднял винтовку и прицелился. До дома было не более десяти метров.

Как только русский солдат поднял пулемет, я нажал на спусковой крючок и увидел кровь, заструившуюся из его лба. Я неподвижно лежал на месте, не в состоянии пошевелиться. Солдаты вокруг меня, поднявшись из укрытий, бросились через дорогу в дом напротив.

– Ты в порядке? – крикнул один из них, пробегая мимо и толкнув меня.

Я встал, дрожа всем телом и отирая со лба холодный пот, колени подгибались. Я только что убил человека, и впервые – так хладнокровно и преднамеренно.

Последующие несколько минут казались мне сном. Я видел себя бежавшим вместе с другими по деревенской улице; справа катилась самоходка, стреляя из орудия и пулеметов. Затем я смотрел в светившиеся радостью потные, чумазные лица, десятки рук, тянувшихся ко мне. Стройный, элегантный офицер в безукоризненной форме, резко выделявшийся из своего окружения, рывком втащил меня в укрытие.

– Я убил человека, – с трудом проговорил я и тут же взял себя в руки.

Пожилой полковник, представительный мужчина лет пятидесяти, пристально взглянул на меня и, улыбнувшись, сказал:

– Продолжай в том же духе, сынок, тебе еще нужно долго жить.

Я остался рядом с ним. Он поднял винтовку и начал стрелять по темным фигурам, перебегавшим через прогалину напротив, я последовал его примеру и слышал, как он сказал:

– Вы, ребята, славно потрудились. Мы практически закончили. Я всегда буду помнить вашу дивизию и помощь, которую вы нам оказали.

Между тем командир штурмовых орудий, оценив обстановку, вызвал по радиации подкрепление. Вскоре в Соколово прибыла целая рота самоходно-артиллерийских установок. Русские отошли, не дожидаясь нашей атаки.

– Вы уже завтракали? – внезапно спросил меня полковник. – Если нет, то будьте моим гостем.

Буквально огорошенный неожиданным приглашением, я попытался привести мою выпачканную в грязи военную форму в более или менее божеский вид. Солдат положил белоснежные бумажные салфетки перед полковником, его адъютантом, толстым майором, и мной, разлил по белым тарелкам суп на говяжьем бульоне, затем сервировал мясо и овощи. Все это походило на сказку. Во время еды полковник постоянно получал донесения из подразделений полка и отдавал приказания.

Закончив трапезу, я встал и попросил разрешения вернуться к своим солдатам, все еще лежавшим в плоской выемке в какой-то сотне метров от нас. Поворачиваясь, я взглянул в

ту сторону, откуда мы приехали этим утром, и увидел несколько десятков стальных шлемов, возвышавшихся над колосьями у кромки пшеничного поля рядом с узкой грунтовой дорогой.

– В тылу у нас Иваны, – доложил я торопливо.

– Это, должно быть, ваши подкрепления, – скептически улыбнулся полковник.

– Наши шлемные чехлы не блестят на солнце, – возразил я, вглядываясь попристальнее. Мгновенно сделавшись серьезным, полковник крикнул:

– Саперная рота, водители автомашин, связные, писари, повара – ко мне! Сзади нас русские!

Люди сбегались отовсюду – из штаба, различных укрытий – и незамедлительно вставали в строй. В этот момент русские, численностью до роты, пошли в атаку. Вместе со всеми я стрелял, не целясь, из автомата по пшеничному полю. Ответный пулеметный огонь вынудил нас залечь. Выпуская магазин за магазином, я заметил упавшую на меня тень. Оглянувшись, я увидел в трех шагах от меня стоявшего во весь рост подполковника в белых кожаных перчатках и с пистолетом у пояса.

– Правее, ребята, еще правее. И лучше цельтесь... Заставь замолчать этот пулемет, Франц, – обратился он к пулеметчику. – Дай несколько очередей пониже.

Видя такое, я тоже поднялся, но, должен признаться, не очень поспешно. Теперь я мог кое-что разглядеть. Через мгновение все наши солдаты встали и бросились в контратаку. Русские побежали... прямо под ружейно-пулеметный огонь подходивших подкреплений, шедших нам на помощь.

Тем временем к нам присоединились все подразделения нашего батальона. Над нашими головами начал кружить германский воздушный корректировщик артиллерийского огня. Наконец-то артиллерия поддержит нас! Но не успели мы опомниться, как вокруг нас стали рваться снаряды противника. Особенно досталось командному пункту. И вновь над нами закружил немецкий самолет-корректировщик, и опять на нас обрушился град снарядов с необыкновенной точностью. Среди солдат возникло замешательство. А огонь уже вели 280-миллиметровые тяжелые орудия. Земля под ногами шаталась и вздрагивала.

– Черт побери! Да ведь это летает русский! – вскричал стоявший рядом со мной Кауль, указывая на самолет.

И верно, как бы в подтверждение его слов вражеские снаряды вновь посыпались на нас с уничтожающей точностью. Санитары не успевали уносить раненых. Командный пункт перенесли в другое место, а мы рассредоточились среди деревенских строений. Между батальоном и дивизией шел оживленный обмен радиосообщениями. Наконец было получено разрешение открыть по немецкому самолету огонь, и когда он появился снова, то оказался в плотном кольце разрывов. Самолет набрал высоту и продолжал кружить над нами. И опять, в который раз, наши позиции накрыл артиллерийский залп противника. Затем самолет исчез. Вероятно, легкий немецкий самолет F-156 «Шторх» когда-то попал в руки неприятеля и теперь использовался против нас, сохранив все опознавательные знаки люфтваффе. К вечеру враг был разбит и оттеснен к Рокитнянским болотам.

Как бы уравновешивая эту победу, дивизии пришлось затем в течение трех дней вести ожесточенные оборонительные бои на отрезке в шесть километров вдоль главной магистрали. В этот период прошел слух, что Буденный намерен нанести сокрушительный удар по нашему правому флангу.

Хотя противник обладал значительным численным превосходством и непрерывно подтягивал резервы, наша дивизия, невзирая на тяжелые потери, стойко отражала все атаки и даже несколько расширила занятую территорию.

В конце концов нам предоставили один день отдыха в селе Мотышине. Здесь я впервые встретил украинских промышленных рабочих, занятых в гончарных мастерских по соседству.

Мне было чрезвычайно любопытно потолковать с людьми, представителями класса-гегемона в раю трудящихся, тем более что один из них, поляк по национальности, говорил по-немецки.

– Как мы живем? – повторил он мой вопрос. – Описать не трудно... Мы зарабатываем около четырехсот рублей в месяц. Пара ботинок стоит пятьсот – шестьсот рублей, костюм не меньше шестисот рублей. Буханка хлеба – девять рублей, килограмм мяса – пятнадцать рублей.

– Но так жить невозможно, – заметил я.

– Их это не беспокоит, – пожал плечами поляк. – Директор получает, разумеется, три тысячи, а инженеры – не менее тысячи пятисот.

Я стал сомневаться, уж не ослышался ли я.

– И не только это, – продолжал поляк. – Наши магазины отличаются по ценам и набору товаров от тех, которыми пользуются инженеры, директора и члены партии. Простой рабочий не может покупать где захочет, а только в магазине потребительской кооперации, к которой прикреплен. И он не может приобретать по желанию, а многое – лишь по распределению.

– У сотрудников НКВД, командиров Красной армии и партийных работников опять же свои закрытые магазины, – подхватила, протиснувшись сквозь окружавшую меня толпу, старая женщина из немецких переселенцев. – Мы даже не знаем, что они там получают, но все они выглядят достаточно упитанными и хорошо одетыми. У нас же все по-другому... Положим, вы хотите купить пальто за четыреста рублей, зеленое и сорок шестого размера. Продавец же сует вам с вешалки красное и пятидесятого размера. Возьмете вы или нет – это ваше дело: других все равно нет. По правде говоря, мы рады вообще что-то надеть, причем откладывая деньги на покупку целый год.

– Но у вас же пролетарская демократия? – возразил я. – Почему вы не предпримете что-то во время выборов?

В ответ на мои слова сначала воцарилась тишина, затем раздался дружный смех.

– Список для голосования, – пояснил поляк, утирая катившиеся по щекам слезы, – всегда возглавляли Иосиф Сталин и Молотов, затем шли Жданов, Берия и остальные члены Центрального комитета. Потом – местные кандидаты от коммунистов и блока беспартийных. Все – на одном бюллетене, единственном, допущенном для голосования. Такой порядок был определен избирательным законом 1936 года. Других списков не было, а не голосовать совсем – значило напрашиваться на неприятности. Так что если вы дорожили своей жизнью и свободой, то шли и голосовали вместе со всеми. Это и есть так называемая «пролетарская демократия».

Присутствовавшие продолжали описывать механизм функционирования системы. Избранные «свободно» депутаты представляли 16 (с 1940 по 1956 г. существовала также Карело-Финская ССР. – *Ред.*) советских республик: около 650 оплачиваемых подхалимов заседали в Верховном Совете, еще около 650 – в Совете национальностей. Десятки министров и членов правительства являлись простыми ведомственными чиновниками. Все решения принимали узкий круг членов Политбюро и Центральный комитет правящей с 1917 г. коммунистической партии; именно они определяли судьбу 200-миллионного (на 1 сентября 1940 г. население СССР составляло 191,7 млн, к началу войны – около 195 млн. – *Ред.*) населения. И назначали на эти посты вышеперечисленных «членов» не миллионы граждан, которыми они управляли, и даже не 6 миллионов членов партии, а верхушка партии, и прежде всего Иосиф Сталин. Это была диктатура, какой не знала новая история. И цари, например Наполеон, были, если сравнивать с этой диктатурой их режимы, можно сказать, грудными младенцами. Сталин и его люди осуществили то, о чем многие диктаторы и императоры лишь мечтали. Верхушка партии определяла порядок поведения и условия существования людей, контролировала их мысли и поступки, бесцеремонно вторгалась в семейные отношения, безраздельно властвовала над жизнью и смертью своих граждан. А Сталин был поистине всесильным диктатором.

– Это и есть суть того, что за рубежом называют «пролетарской демократией», – сказала старая немка. – Насколько распространено данное заблуждение, свидетельствуют ваши

же вопросы, вопросы немецкого солдата. Но в самой России дошло до того, что люди, голодая и нищенствуя, не ропщут, полагая, что иначе и быть не может. Они дорожат своими оковами, не изведав ничего другого!

На этом беседа закончилась: был получен приказ к выступлению.

В этот вечер мы остановились в довольно крупном селе. Как только местные жители заметили, что я стараюсь установить с ними контакт, сотни мужчин и женщин обступили меня. Интеллигентного вида юноша ухватил меня за рукав.

– На протяжении многих лет мы, украинцы, страдаем и умираем, – заявил он. – Теперь мы можем расквитаться. От вас, немцев, нам ничего не нужно, мы же готовы на все. Дайте нам только винтовки и боеприпасы.

Волнуясь, юноша последние слова произнес по-украински, и толпа мгновенно дружно подхватила:

– Пушек! Пушек!

– Я всего-навсего рядовой солдат, – ответил я, глубоко тронутый проявлением искренних чувств, – но горячо надеюсь, что ваше желание будет удовлетворено.

– Понимаете, пан, – продолжал юноша, – мой отец был старым большевиком, сосланным в Сибирь еще царем; он верил в идеалы свободы, равенства и братства. Позднее мой отец воевал в партизанах, и мы очень им гордились. Но когда на заводе он выступил против бессмысленного террора и классовых предпочтений при распределении продуктов питания и промтоваров, то бесследно исчез, и с тех пор мы его не видели. Та же судьба постигла почти всех членов старой партийной гвардии. Им навесили ярлыки троцкистов, саботажников и изменников. И это людям, проливавшим за революцию свою кровь. (Несравненно больше пролилось крови людей, противившихся революции, а также членов их семей и просто ни в чем не повинных, но «классово чуждых». – *Ред.*) Во всей Украине таких осталось в живых не более десятка. Остальных заклеили «врагами народа» и расстреляли или уморили в тюрьмах и лагерях. ВКП(б) – партия большевиков – дала нам свободу – свободу умереть или подчиниться; она принесла нам равенство – равенство с четким классовым разграничением, более суровым, чем при худшей капиталистической системе. Беспартийный не может получить привилегированную карточку на продукты и промтовары, а без нее невозможно свести концы с концами. Они дали нам и братство – братство с комиссарами и пулей в спину.

Услышав слово «комиссар», толпа словно обезумела.

– Комиссар! – взвыл старый инвалид, указывая на свою искалеченную спину.

– Комиссар! – крикнула молодая женщина, указывая на отсутствующий глаз.

Две девушки вынесли к нам на примитивных носилках женщину средних лет. Она, обхватив мою руку тонкими худыми пальцами, настойчиво вновь и вновь шепотом повторяла слова, которые я не мог понять.

– Это жена нашего сельского священника, – пояснил юноша сочувственно. – Когда части Красной армии шли на фронт, комиссары согнали всех «неблагонадежных» селян и расстреляли их.

Женщина на носилках не сводила с меня пристального взгляда.

– Среди них были наш священник и его двое сыновей. Младшему было восемь лет. От потрясения она впала в беспамятство и разбита параличом. Теперь она хочет, чтобы вы, немцы, тысячекратно отомстили за ее детей.

– Пушек! Пушек! – вновь заревела толпа, мужчины и женщины, все вместе.

Взволнованный силой проявленных ими чувств, я пожал множество протянутых ко мне рук и удалился.

Глава 2

На юг

Мы ехали всю ночь напролет, на этот раз курсом на юг. Пехотные части уже вышли форсированным маршем на ближние подступы к Киеву. Мы миновали все еще дымящийся Житомир. Противник оказывал яростное сопротивление всеми имеющимися средствами, и несколько последующих дней его артиллерия и авиация превратили нашу жизнь в сплошной ад. В один из этих дней в ходе боя я познал еще одну, дотоле неизвестную мне сторону моей природы. В тот момент вражеские бомбы снова с жуткой аккуратностью рвались в наших порядках, и рядом со мной вздымались к небу фонтаны земли. Среди металлического воя разлетавшихся над головой осколков я вдруг услышал умоляющий зов: «Дайте индивидуальный пакет!» Автоматически я сунул руку в карман. Последний! Мы перевязывали раны весь день, и, хотя я утром предусмотрительно захватил три пакета, я уже все израсходовал, кроме одного. Я заколебался. А если мне понадобится перевязка самому? Но затем я взял себя в руки, подполз к раненому солдату и отдал ему пакет. От стыда за свою мимолетную слабость я не мог взглянуть ему в лицо.

Один за другим, в быстрой последовательности, мы заняли населенные пункты Медоваду и Зипанановку. В последнем я узнал, что Макс Амон, с которым мы вместе призывались, убит – первый из моей старой части. У Зипанановки мы по-настоящему поняли, с каким ожесточением с обеих сторон велась эта война на Востоке. Мы были вынуждены временно оставить этот населенный пункт, а когда вновь захватили, то обнаружили могилы наших солдат разоренными и оскверненными. Продолжая наступать, мы очистили от войск противника Новоархангельск.

Неприятель окопался на окрестных холмах и отчаянно сопротивлялся, по всей видимости решив во что бы то ни стало удержать свои позиции в качестве основы всей оборонительной линии. Особенно нас донимала батарея легких гаубиц, расположившаяся за невысокой складкой местности в пологой ложбине, в нескольких сотнях метров от наших передовых позиций. Отказываясь отходить, она вела интенсивный огонь по нашей наступающей пехоте, нанося ей тяжелый урон. Командир приданной нам 6-й зенитной батареи, быстро оценив обстановку, выдвинул одно из своих орудий (на солдатском жаргоне «антон») в боевые порядки пехоты, и началась захватывающая дуэль между верным «антоном» и батареей русских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.